

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ ГЛАГОЛА ПРИ ДВУЯЗЫЧИИ

Л. ПАЖУСИС

Изменение значения слова в условиях контакта с другим языком до сих пор недостаточно изучено. В классических работах оно рассматривалось в основном лишь с целью выработки общей классификации видов интерференции или заимствований, а в последнее время, когда достигнуты значительные результаты в описании семантики, наука о двуязычии увлеклась социолингвистическими и психолингвистическими аспектами, оставив в стороне лингвистическую проблематику. По словам В. Розенцвейга, „семантическое переустройство языков в ходе контактов до сих пор изучалось лишь в пределах слова, а не более широко, имея в виду высказывание о некоторой ситуации“¹. В этой связи семантический сдвиг глагола как доминирующего структурного элемента предложения заслуживает особого внимания, тем более что его описание предполагает необходимость раскрытия взаимосвязи и взаимозависимости между семантикой и синтаксисом.

Отклонение от языковой нормы, которое в речи двуязычных носителей реализуется сдвигом в значении слова, в лингвистической литературе не имеет ни единого толкования, ни общепринятой терминологии. Такое положение обусловлено тем, что это явление рассматривалось различными авторами с двух позиций: языка — объекта интерференции (Яз1) и языка — источника ее (Яз2).

Исходя из того, что язык можно представить себе как инвентарь единиц, которые имеют тождество (identity) и дистрибуцию, Н. Гассельмо предложил такое обобщение критериев, используемых при описании интерференции: она может иметь „формы внесения в Яз1 тождеств или дистрибуции Яз2“². Данное определение двух видов интерференции соответствует наиболее широко признанным понятиям перенесения (importation) и подстановки (substitution), предложенным Э. Хаугеном, который рассматривал интерференцию как аспект интеграции³, но вместе с тем оно отражает действительно

¹ Розенцвейг В. Основные вопросы теории языковых контактов. — Новое в лингвистике. М., 1972, вып. 4, с. 22. Об этом, в частности, свидетельствует и Haugen E. Bilingualism, Language Contact, and Immigrant Languages in the United States: a Research Report 1956–1970. — Current Trends in Linguistics, 1972, vol. 10, p. 505–591.

² Hasselmo N. How Can We Measure the Effects Which One Language May Have on the Other in the Speech of Bilinguals? — In: Description and Measurement of Bilingualism / Ed. L. G. Kelly. University of Toronto Press, 1969, p. 125.

³ Haugen E. The Norwegian Language in America: a Study in Bilingual Behavior, 2 vols. Philadelphia, 1953, p. 388–402.

направление этого процесса и логично раскрывает сущность его механизма. Различие между этими двумя видами отражается и в основной классификации ее результатов — заимствований: заимствованные слова, или собственно заимствования (loanwords, или pure loanwords), относятся к заимствованным тождествам, а заимствования-сдвиги, или заимствованные сдвиги (loan-shifts), — к заимствованным дистрибуциям (или редистрибуциям в Яз1). В качестве подкласса последних выделяются семантические заимствования (semantic loans), или расширения (extensions), которые определяются как приобретение словом нового значения благодаря его семантическому или фонетическому сходству с каким-либо словом Яз2.

В данной работе рассматриваются лишь расширения значения глаголов, вызванные чисто семантическим сходством (когда значения глаголов Яз1 и Яз2 частично пересекаются), поэтому речь идет лишь о синонимическом расширении.

Объект настоящего исследования — литовский язык, который из-за массовой иммиграции литовцев в США и Канаду продолжительное время находится в контакте с английским. В этом иммигрантском языке самый распространенный тип расширения значения глагола — синонимический. С целью выявления его масштабов и влияния на семантическое переустройство языка анализу подвергнут обширный материал, собранный в литовской периодике и в устной речи „настоящих“ иммигрантов, т.е. тех, для кого литовский язык был усвоен до контакта с английским.

Исходное положение исследования: речевое произведение — результат двух процессов, которые следует рассматривать в их единстве, — выбора адекватной лексической единицы и сочетаемости ее с другими лексическими единицами⁴. Учитывать это единство принципиально важно при описании значения глагола: семантическое содержание глагола трудно поддается краткому и точному чисто парадигматическому определению. По-видимому, не случайно во многих работах, где затрагивались вопросы семантической интерференции, глагол упоминается сравнительно редко. Пренебрежение этим единством иногда приводит к тому, что синонимическое расширение значения глагола и расширение его лексической сочетаемости (валентности) рассматриваются как разные, не связанные между собой явления⁵.

Иногда явления семантического заимствования отождествляются с калькированием⁶. На наш взгляд, калькирование лишь образно выражает зависимость Яз1 от Яз2 при выборе структурной модели соединения смысловых единиц. Даже при калькировании единиц больших, чем слово, эта зависимость не всегда предполагает семантический сдвиг их компонентов. Поэтому, очевидно, неслучайно при употреблении терминов „калькирование“ или „калька“ лингвисты прибегают к различным дополнительным определениям: „структурное калькирование“, „синтаксическое калькирование“, „семантическое калькирование“, „лексико-синтаксическая калька“, „структурно-семантическая

⁴ Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974, с. 67.

⁵ См., например: Ж. Луктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974, с. 152—157.

⁶ Там же, с. 156; см. также Глемжене А. Калькирование как вид лексической интерференции. — Вопросы языковой структуры (исследования романо-германской филологии). Киев, 1976, с. 58—64.

калька“ и т.д.⁷ Если калькирование понимается как „внесение в Яз1 дистрибуции Яз2“ (подразумевается дистрибуция парадигматически связанных смысловых единиц), только рассматриваемое с позиции Яз1, этот термин вполне применим при описании действия межъязыкового механизма.

При выявлении семантического сдвига глагола, исходя из диалектеского единства двух аспектов синтагматики слова — коллокации и коллигации, учитываем все отклонения от языковой нормы как в сфере лексической сочетаемости (= валентности), так и в сфере синтаксической сочетаемости (=валентности) глагола.

Признавая, что в предложении доминирует семантика глагола, которая определяет выбор сопровождающих существительных, что „именно глагол диктует присутствие и характер существительного, а не наоборот“⁸, отклонение от нормы в сфере лексической сочетаемости глагола с существительным отмечаем как признак сдвига семантической структуры глагола. Разумеется, семантическое изменение возникает в конкретном контексте, в процессе внесения дистрибуции Яз2 в определенные словосочетания и предложения Яз1, но при такой точке зрения на иерархию семантических отношений в предложении оно относится именно к доминирующему семантическому компоненту — глаголу. Следовательно, нарушение нормы лексической сочетаемости глагола с существительным логично рассматривать как последствие выбора неадекватного глагола, обусловленного его синонимическими отношениями с глаголом Яз2. О переносном, или метафорическом, расширении значения глагола можно говорить, когда оно раскрывается через синтагматические связи и когда обнаруживается лишь в пределах более широкого контекста. Этот случай может быть проиллюстрирован расширением семантики глагола *sumušti*, который под влиянием английского *beat* получает новое значение „победить“, например: *Ji sumušė liberalas. LB—63—15. Pittsburgho beisbolininkai Piratai sumušė Baltimorės Oriolus 2—1. L—71—81.*

При изучении отклонений от языковой нормы в сфере синтаксической сочетаемости выявилось, что семантический сдвиг глагола реализуется главным образом в рамках двух основных моделей глагольной коллигации: модели глагола с правосторонними связями с существительным (Y) и модели глагола с левосторонними связями с существительным (X).

Исследование также показало, что проявление интерференции в плане глагольной коллигации обычно не является признаком семантического сдвига глагола. Так, употребление литовского глагола в модели с правосторонней связью предложного управления вместо нормативной модели беспредложного управления, например, *priklausyti* (< belong to) (*I klubą priklauso įvairių pažiūrų žmonės. V—60—21*), *sakyti* (< say to) (... *i leidė reikia sakyti jes, mem. Marž—239*) или наоборот, например, *kovoti prieš* (< fight) (*Unija kovoja automa-*

⁷ См., например: Семчинский С. В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов). Автореф. докт. дис. Киев, 1973, с. 40; Ярцева В. Н. Структурно-семантические кальки в условиях двуязычия. — Тезисы науч. конф., посвящ. проблеме двуязычия и многоязычия. М., 1969, с. 21.

⁸ Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975, с. 115.

cija... L-37-37), *atsakinėti* i (< answer) (... *atsisako atskinėti tardytojaus klausimams*. V-62-85), не отражается на его значении⁹.

Аналізу подвергается группа глаголов с большим семантическим объемом, при этом основные трудности возникают в связи с нерасчлененностью их содержания на компоненты – многозначность и многовариантность не исчерпываются только определением их значения. Значения таких глаголов, как *turėti* „иметь“, *laikyti* „держатъ“, *daryti* „делатъ“, *imti* „взятъ (братъ)“, *gauti* „получитъ“, меняются в зависимости от семантических характеристик слов, выступающих в функции дополнения. Кроме того, исследуемым глаголам присуще множество сочетаемых ограничений, главная причина появления которых, по-видимому, – конкуренция со стороны других языковых единиц, обслуживающих ту же область денотации¹⁰.

В английском языке сфера правосторонней лексической сочетаемости глагола *have* с существительным шире, чем у синонимичного литовского глагола *turėti*. Особенно характерно употребление *have* с существительным, обозначающим действие или событие, в котором участвуют не менее двух лиц. Так, в эти конструкции входят слова *celebration, concert, conference, demonstration, entertainment, meeting, talk(s)*. В литовском языке сочетания глагола *turėti* с такой категорией существительных не соответствуют языковой норме.

Семантическая интерференция глагола *have*, которая происходит путем калькирования его сочетаний с существительными, снимает это ограничение и расширяет сферу сочетаемости глагола *turėti*. Такой сдвиг в семантическом диапазоне литовского глагола реализуется в сочетаниях со словами *demonstracija, iškilmės, koncertas, konferencija, meetingas, pasikalbėjimas, pasivažišinimas, susitikimas* и т. д. Например: 2,500 jaunuolių, dvasiškai ir taikos kovotojų *turėjo demonstraciją*... L-71-78. *Jie turės iškilmę – sukakties progą*. V-62-206. *Aido choras turėjo gražų parengimą-koncertą*... V-75-114. *Šiai problemai aptarti, dešimties valstybių užsienio ir finansų ministrai turės konferencijas*. LB-72-13. *Bet norintieji turėti meetingus parke turės gauti leidimą*. LB-63-15. ... *jau turėjo platų pasikalbėjimą su maskviečiais*. LB-67-49. *turėsime draugišką pasivažišinimą ir atžymėsime gimtadienius*... V-75-111. *universitete turėjo susitikimą su studentais*. V-74-48.

Аналогичным путем глагол *turėti* расширяет свою сочетаемость с существительным, обозначающим части человеческого тела. Например: ... *mūsų klubo gėspadorius P. Ramoška turi sužeistą koją*... L-71-66. *Pastaroji turi pažeistą gerklę*. V-71-171.

Английский глагол *hold* („держатъ“) оказывает семантическое давление на синонимичный литовский глагол *laikyti* в диапазоне значения „проводитъ или вестъ“, которое довольно часто реализуется в сочетаниях со словами, обозначающими совместное действие или событие. Литовский глагол *laikyti* в такой сочетаемости используется только в некоторых диалектах и в архаич-

⁹ См.: Pažūsis L. *Anglų kalbos gramatinė interferencija Šiaurės Amerikos lietuvių kalboje*. – *Kalbotyra*, 1976, XXVII(3), p. 59.

¹⁰ При семантическом описании некоторых глаголов этой группы автор ссылается на работу О. Н. Селиверстовой „Компонентный анализ многозначных слов“ М., 1975.

ном книжном стиле¹¹. Дистрибуция глагола *hold* не только поддерживает, но и активизирует или расширяет это архаичное употребление глагола *laikyti* в речи литовских иммигрантов. Например: *Nutarta laikyti susisinkimus kas mėnuo... V-74-15. ... leidžiam laikyti mitingus visuose parkuose. LB-63-15. LLD 6-tos apskrities komitetas laikė posėdį. L-65-25. Tad laikyti atskirą repeticiją jau bus neįmanoma. V-74-15. ...laikė spaudos konferenciją. L-76-24. ... partija laiko suvažiavimą gimtoje Chicagoje. L-75-26. New Yorke laikomas didelės svarbos pasitarimas... L-76-39. savo sesijas laiko naktimis... L-76-44.*

Как и другие глаголы большого семантического объема, английский глагол *make* „делать“ синонимичному литовскому глаголу *daryti* навязывает семантический сдвиг, который реализуется в сфере его сочетаемости с существительным. В отличие от *daryti* он может образовать с целым рядом существительных так называемый фразовый глагол, значение которого определяется значением существительного. Например, это могут быть такие существительные, как *attempt, choice, concession, confession, decision, investigation, living, progress, suggestion*. Способность литовского глагола сочетаться с абстрактными существительными довольно ограничена и носит окказиональный характер. Только в последние десятилетия в литовском литературном языке наблюдается тенденция использовать *daryti* в сочетаниях с отглагольными существительными с суффиксом *-imas* и *-umas*¹². Но это сравнительно новое явление, индуцируемое через контакты с русским, и до сих пор не считается языковой нормой¹³. Однако десемантизация глагола *daryti* в условиях литовско-английского билингвизма получила очевидное развитие. Об этом свидетельствует множество примеров: *Vyriausybė nuversta kaltinant ją, būk ji nepajėgianti daryti sprendimus... LB-63-7. Padaryta gerų nutarimų. LB-66-11. vietnamiečiai greitai nepadarys nusileidimų derybose. L-67-48. Ar darysite pastangų ir kitais metais tokią premiją moteriai skirti. Dr-76-23. vyriausybė daro pozityvius ėjimus demokratijos kryptimi. V-76-24. mums teks daryti pasirinkimą... LB-63-1. ... rašo novelės ir iš to daro pragyvenimą. L-76-21. Policija daro tyrinėjimus... LB-63-16. Jis kaltinamas padaręs apiplėšimą banko. V-62-32. Aš turiu padaryti prisipažinimą. LB-66-5. Antano sveikata laipsniškai daro progresą į gerąją pusę. L-71-77.*

Заметим также, что калькирование сочетаний с глаголом *make* навязывает выбор бесприставочного отглагольного существительного, значение которого в литовском языке слабо поддается конкретизации и редко выступает в сочетании с глаголом *daryti*. Например: *Jis darė tikrinimus su melo detektoriumi... LB-75-6. Kadangi siūlymus daro partijos komitetas, o ne valdžia, tie siūlymai „ne oficiališkai“. L-75-26. Susirinkimas padarė gana daug gerų tarimų. L-39-175. Jis bandė daryti gyvenimą augindamas pupeles. V-60-38.*

При репродукции английского фразового глагола с *make* иногда имеет место сдвиг и в семантической структуре самого абстрактного существи-

¹¹ Ср.: *Lietuvių kalbos žodynas. V., 1966, t. 7, p. 39* || *Lietuvių dabartinės kalbos žodynas. V., 1972, p. 353.*

¹² *Ambrasas V. Dabartinės lietuvių kalbos sintaksės raidos klausimai. — Kn.: Lietuvių kalba tarybiniais metais. V., 1967, p. 131.*

¹³ *Kalbos praktikos patarimai. V., 1976, p. 56.*

тельного: от синонимичного и (или) гомологического английского глагола оно может перенять свойство количественной градации¹⁴. Так, значения литовских существительных *pažanga* и *progresas* „прогресс“ в сочетании с *daryti* могут модифицироваться количественными наречиями. Например: ... *pažangos jau daug padarėme*. L-75-10. *Daugiausia progreso buvo padaryta pasukinėje sesijoje...* LB-75-2. *padaryta pakankamai progreso* Rytu-Vakarų pasitarimuose. LB-75-12.

Английский глагол *take* „взять (брать)“ и синонимичный литовский глагол *imti* обычно несут информацию о том, что объект действия (Y) включается в „существование“ агента (X), причем это включение определяется действием самого агента. Однако в конструкциях с Y они используются далеко не одинаково.

Глагол *imti* очень редко употребляется при описании включения свойства, чувств, состояния в число свойств, чувств, состояний агента. Калькирование английских конструкций с глаголом *take* расширяет употребление литовского глагола в этом отношении. Таким образом появляются выражения *imti drąsos* „взять на себя смелость“ (< to take courage), *(pa)imti poilsį* „взять отдых“ (< to take a rest). Например: *Būtų garbė, kad ir lietuvės moterys imtų drąsos pasirodyti protesto sueigose*. L-66-100. *teks keletą savaičių paimti poilsį ir pasigydyti*. LB-66-5. *Daktaras liepė imti poilsį ir ramybę*. L-49-83.

Английский глагол *take* часто употребляется в сочетаниях с существительными, обозначающими вид транспорта. Например: *to take a car, a taxi, a bus, a train, a plane* и т.д. В них реализуется информация: X использует Y как средство своего перемещения. В современном литовском разговорном языке глагол *(pa)imti* используется в значении „сесть, поехать“ в сочетаниях *(pa)imti mašiną* „взять машину (автомобиль)“, *(pa)imti taksi* „взять такси“, но его лексическая сочетаемость с этой категорией существительных более ограничена. Например, совсем недопустимо сочетание *(pa)imti traukinį* „взять поезд“ Такое ограничение, вероятно, связано с тем, что в указанных ситуациях X не определяет направление движения Y¹⁵. Под влиянием английского глагола *take* это ограничение в употреблении литовского глагола *(pa)imti* снимается. Например: *Autobuso neėmiau, nes sveikatos dėlei ėjau pėsčias*. V-61-192. *Važiuojant į pikniką, reikia imti gatvekarį...* L-39-168. *Kokį lėktuvą jūs imsit?*

Наблюдается и расширение употребления глагола *imti* для обозначения того, что Y становится тем местом, которое занимает X. В речи иммигрантов оно реализуется в сочетании *imti kelią* (<to take a road). Например: *Už dviejų blokų imkite 66 kelią...* V-60-150.

Довольно часто в языке литовцев, проживающих в Северной Америке, встречаются выражения, в которых глагол *imti* выступает при Y, называющем отрезок времени. Например: *Emė 6 valandas iki vamzdis buvo sutaisytas*. V-61-248. *Iškepti ima apie valandą ir pusę*. V-62-70. *Šiuos filmus sukurtė 15 metų...* V-62-165. *kelionė per okeanus ėmė mėnesį ar daugiau laiko*. V-62-200. *mainymas traukinio ratų ir perdavimas traukinio Lenkijos geležinkelie-*

¹⁴ О количественной градации см.: Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. London, 1974, p. 130.

¹⁵ Селиверстова О. Н. Указ. соч., с. 221.

ĉiams ėmė arti dviejų valandų laiko. L—65—67 signalui pasiekti žemę ima 20 minučių. L—76—37. Хотя в литовском языке иногда также отмечается употребление глагола (*užimti*) при обозначении отрезка времени для осуществления действия, оно не считается общепринятой нормой. Поэтому, если даже семантическая интерференция английского глагола *take* и не является прямой причиной выбора таких сочетаний с *imti*, все же именно ей принадлежит главная роль в активизации этого отклонения от нормы литовского языка в Литве.

Под влиянием английского глагола *take* активизируются и такие сочетания с глаголом *imti*, как *imti kursą* (<to take a course) (*Ji ėmė koleginių laisvosios dailės kursą. L—39—168*). (*nu)imti nuotrauką* (<to take pictures) (*Kapinėse buvo nuimta daug nuotraukų. GK—64—2. Daug nuotraukų ėmė turistai. LB—72—21*), *imti piliules* (<to take pills) (*Jeį negali miegoti, imk piliulių. LB—66—5*).

В периодике старой литовской иммиграции давно укоренилась калька (*pr)imti dalyvumą* „принять участие“ Появиться она могла и до иммиграции, из русского языка, однако распространилась, видимо, при поддержке интерференции английского фразового глагола *to take part*. Об этом свидетельствует и употребление глагола *imti* без приставки. Например: ... jaunų lietuvių politinėj kultūrinėj veikloj ėmė pilną dalyvumą ir mūsų drašesnės sesutės. MB—41—46. Tame „sporto“ ima dalyvumą ir moterys... V—62—203. ... 71 procentas amerikiečių jau įtaria, kad jis ėmė dalyvumą planavime ir bandyme užglostyti Watergate... LB—73—15. Заметим также, что в этой кальке законсервировано архаическое существительное *dalyvumas* (от прилагательного *dalyvus* „соучаستن“).

Расширяется семантика и литовского глагола *gauti* „получить“, значения которого частично пересекаются со значениями английского глагола *get*. Семантический сдвиг наблюдается при употреблении *gauti* в сочетаниях с *У*, обозначающим вид транспорта. Как и глагол *imti*, он не используется в ситуациях, где *Х* не определяет направление и время движения *У*. Под влиянием английского *get* это ограничение на сочетаемость *gauti* с *У* снимается. Например: *gauti busą* (<to get a bus) (...negali gauti busą per valandas. V—60—130), *gauti traukinį* (<to get a train) (...traukinį galima gauti tikrai ryte... V—60—179).

Значение глагола может быть определено в терминах таких семантических единиц, как состояние, процесс, действие и AMBIENTNŪS. В зависимости от его семантической характеристики сопровождающие существительные могут вступать с ним в различные отношения. У Л. Чейф, например, указывает на семь таких отношений, по фундаментальными считаются категории пациента и агента. В каждом предложении присутствует существительное-пациент или существительное-агент, или оба (если только глагол не относится к AMBIENTNŪS категории). Глагол состояния или процесса требует присутствия существительного-пациента, а глагол действия — существительного-агента¹⁶. Дальнейшее описание семантического сдвига глагола ограничивается учетом этих общих категорий.

Займствование дистрибуции у синонимичных глаголов Яз2 в основном более характерно для глаголов Яз1, обозначающих действие, причем исключения немногочисленны. Например, по аналогии с английским глаголом

¹⁶ Чейф У Указ. соч., с. 189.

состояния *to be busy*, обладающим более широким семантическим диапазоном сочетаемости с пациентом, расширяется сочетаемость литовского *būti užimtas*, который в норме обычно сопровождается пациентом, обозначающим лицо: *Vasara buvo užimta ir greitai prabėgo*. Таким же образом литовский глагол *užspringti*, значение которого определяется и как процесс, и как состояние, под влиянием английского *choke* теряет ограничение на сочетаемость с пациентом, обозначающим лицо, и получает новое значение „зайти в тупик“. Например: ... *blogėjanti santykiai gali užspringti*... V—60—118. *Išrinkimo reikalai užspringo*. V—61—213. Перенимая дистрибуцию английского глагола *answer*, синонимичный литовский глагол *atsakyti* получает новое значение „соответствовать, отвечать (требованиям)“, которое расширяет его семантический диапазон в рамках значения состояния. Например: *Mūsų civilizacija irgi nuseno, neatsako naujiems laikams*. V—61—111. *Kaip dabar yra keliai jau neatsako padėčiai*. V—62—227.

Расширение семантической структуры литовского глагола благодаря введению новой семантической единицы, если оно и имеет место, также реализуется приобретением именно единицы действия. Например, литовский глагол *matyti* „видеть“, который в норме является экспериенциальным, перенимает от английского *see*, который может выражать не только состояние и процесс, но и действие, значения действия „повидаться, навестить; смотреть, наблюдать“. Например: *Matykite savininkus arba šaukite telefonu*... V—60—4. *Komitetas norįs matyti premjerą ir įteikti sekančius reikalavimus*... LB—65—4. *žmonės ne tik pinigų eikvoja eidami matyti kėglio žaidimus*... V—60—130. Поэтому дальнейшее описание семантического расширения литовского глагола ограничивается сферой отношений существительного к глаголу действия.

Как известно, глагол с семантической характеристикой „действие“ сопровождается агентом, в качестве которого может выступить только потент. В литовском языке есть много глаголов действия, которые в норме могут иметь одушевленный агент или даже только лицо. Наоборот, в английском языке „семантический диапазон глаголов, сочетающихся с подлежащим (агентом), значительно шире, чем у языков с широко развитой системой морфологических маркеров падежных отношений“¹⁷ Поэтому устранение семантической асимметрии в сфере отношений глагола действия с агентом происходит за счет расширения его сочетаемости с неодушевленными агентами. Например: *grasinti* „угрожать“ (<threaten) (*Vidurio Rytų įvykiai grasina Izraelio ir Arabų nesutikimus pastūmėti į sprogimą*. GK—66—1); *nešti, nešioti* „нести, носить“ (<carry) (*Tu—114 gali nešti 170 žmonių ilgose kelionėse*. LB—63—1. *Tas laivas gali nešioti ir atominius orlaivius*. L—48—150); *užmušti* „убить“ (<kill) (*Jį užmušė sulfato dujos iš kasyklų*. LB—63—1. *Kitose vietose 20 žmonių užmušė žemės drebėjimas*. LB—65—11); *prigirdyti* „утопить“ (<drown) (... *išsiveržęs vanduo prigirdė 350 žmonių*. LB—65—11), *sudeginti* „сжечь“ (<burn) (... *gaisras sudegino 3 vaikučius*. L—71—2); *sužeisti* „ранить“ (<wound) (... *įvykęs sprogi-mas sužeidė 12 žmonių*. L—71—3).

¹⁷ Швейцер А. Д. О взаимосвязи некоторых категорий морфологии, синтаксиса и лексик. — В кн.: VII науч. конф. по вопросам германского языкознания (Тезисы докладов). М., 1977, с. 86.

Синонимическое расширение в сфере отношений глагола действия с пациентом в основном протекает при снятии ограничений на сочетаемость литовского глагола с существительными, обозначающими отвлеченные понятия. Например: *ištraukti* „отзывать“ (< withdraw) (JAV turi *ištraukti* savo militarines jėgas iš Pietų Vietnamo. L-65-28. Mrs. Kennedy pažadėjo *ištraukti* užvestą teisme bylą. V-66-250. ... nusilenks prieš audrą ir *ištrauks* savo kandidatūrą į prezidentus? LB-68-17); *laužyti, sulaužyti* „сломить, подорвать; нарушать“ (< break) (Ir šis faktas bosams parodė, kad nebus galima *streiko sulaužyti*... Miz-151. Mes *sulaužysime indžionkšną*. Miz-145. ... ar Lawrence *nesulaužė* militarinių reguliacijų. LB-70-1. ... Vakarai panaudoję jėgą *sulaužyti* arabų aliejaus *boikotą*. LB-75-2. ... *laužydami* Paryžiuje pasirašytą *sutartį*. LB-75-2. ... industrialistai *sulaužė kontraktą* ... LB-63-26); *nukirsti, apkapoti, nukapoti* „сокращать, снижать“ (< cut) (Kanada dar nėra nutarus *nukirsti dujas*... LB-75-4. ... planuoja *nukirsti subsidijas* mokykloms ... L-75-10. *Nukirstit* maisto *išlaides* 50%. LB-75-2. Naujoji valdžia *nukapojo kainas* ant 30 nuošimčių. V-60-22. ... *apkaPOS produkciją* nuo 832 karų dienai iki 592... V-62-32. ... pasimojimas *algas kapoti* negalės sulaukyti infliacijos. L-71-20); *žudyti* „убить“ (< kill) (Jis kaltino liberalus, būk jie *žudę „progresą“* LB-66-7).

В некоторых других случаях под влиянием английских глаголов литовские синонимичные глаголы теряют ограничения на сочетаемость с пациентом, означаящим „лицо“ или „одушевленное“, и приобретают новые значения. Например: *padėti* „поместить, назначить“ (< put) (... policija suma *juos* ir *padeda* į slapтус kalėjimus... V-76-53. Policijai pavyko *jį pagauti* ir *padėti* į Cook apskrities ligoninę... V-60-164. Po 9 mėnesių *jas* vėl darbdaviai pašaukė ir *padėjo* prie sunkiausių darbų... V-62-164. *patarė padėti* ant gatvekarių tik po vieną *darbininką*... L-48-150), *sutaupyti* „спасти“ (< save) (...tas dvidešimt šešias *gyvybes* buvo galima *sutaupyti*. L-76-12).

Семантическая интерференция английского языка в языке литовцев, проживающих в Северной Америке, проявляется не только в прямых семантических заимствованиях, но и в активизации некоторых окказиональных семантических сдвигов глаголов, имевших и (или) имеющих место в речи литовцев благодаря контактам с другими языками (особенно с русским), но являющихся отклонением от языковой нормы. Такие примеры уже приводились в описании синонимического расширения глаголов большого семантического объема. Вообще они встречаются довольно часто и их интерпретация вызывает затруднения. Например, неясно, как рассматривать отклонения от нормы в употреблении глаголов *iššaukti* и *rasti*, какие наблюдаются в предложениях: „... gali *iššaukti* mirtinas *ligas*...“ LB-75-15 и „Ji „*surado*“ *juos kaltais* ir *nuteisė mirti*“ L-75-39. Приписывать их влиянию английского языка (ср. to call forth diseases and to find somebody guilty) или русскому, которое могло иметь место до эмиграции? Однако, учитывая продолжительность и интенсивность контактов с английским, мы склонны рассматривать такие отклонения от нормы литовского языка как последствие активизации со стороны английского языка.

Синонимическое расширение значения глагола имеет и „отрицательные“, или „негативные“, последствия для семантического устройства Яз1. Оно не может не повлечь за собой устранения других глаголов, которые обслуживают ту же сферу денотации. Лингвисты уже заметили процесс „забывания“

исконных слов¹⁸, или „общее ослабление чувства языка“ (Sprachgefühl)¹⁹, в условиях двуязычия из-за отсутствия контакта с родным языком, но эту тенденцию следует рассматривать и как непосредственно обусловленную интерференцией Яз2. Она проявляется в „отрицательных семантических заимствованиях, то есть в утрате языком некоторых унаследованных слов или в упрощении семантической структуры слов в результате иноязычного влияния“²⁰.

Показать „отрицательные“ последствия семантического расширения глагола нелегко. Это возможно лишь в пределах отдельных семантических микросистем, где глаголы обладают каким-то общим значением, но находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Проиллюстрируем на примерах.

Одним из типичных английских каузативов, обладающих сравнительно широкой лексической сочетаемостью с пациентом, является глагол *open*. Им можно обозначать каузацию открывания почти любого предмета. Например: *to open a door, a letter, a pocket, one's eyes, one's mouth*. В литовском языке употребление синонимичного родового каузатива *atidaryti* гораздо ограниченнее. Хотя во многих случаях каузацию изменения положения из закрытого в открытое можно выразить именно словом *atidaryti* (например, *atidaryti duris, dėžę, langą*), некоторые пациенты требуют другого глагола, указывающего на способ действия (например, *atplėšti laišką, praverti burną, atmerkii akis*)²¹. Заимствование дистрибуции у английского глагола *open* вызывает расширение объектной лексической валентности литовского глагола *atidaryti (atidarinėti)*. Например: *Vyrai turi teisę atidaryti savo žmonių laiškus. V-60-1. ... slaptai ir nelegaliai atidarinėjo ir skaitė daugelio žymių amerikiečių laiškus... LB-75-15. Tuo jie mano išgąsdinti šalies turčius, kad jie atidarytų savo kišenes. L-75-50. Jo nelaimė būtų, jeigu toks Gudelis nors kartą atidarytų savo burną... L-76-33. Gal tokia padėtis atidarys mūsų prieaugliams akis. L-71-51*. Следовательно, наряду с расширением употребления родового глагола *atidaryti* происходит устранение глаголов с более ограниченной лексической сочетаемостью — *atplėšti, praverti, atmerkii*.

„Отрицательное“ семантическое заимствование еще более очевидно, когда в сферу семантической интерференции попадают литовские конверсивы. В литовском языке, например, есть два глагола со значением „вступить в брак“ — *vesti* („жениться“) и *(iš)tekėti* („выйти замуж“): когда агентом в рассматриваемом отношении является лицо мужского пола, оно выражается глаголом *vesti*, когда же отношение конвертируется и агентом является лицо женского пола, — *(iš)tekėti*. Оба словесных выражения обозначают одну и ту же ситуацию, но при этом в различных направлениях, т.е. *vesti* и *(iš)tekėti* —

¹⁸ См.: Haugen E. *Linguistics and Dialinguistics*. — In: *Bilingualism and Language Contact*/ Ed. by J. E. Alatis. Georgetown University Press, 1970, p. 6; Clyne M. *Perspectives on Language Contact*. Melbourne, 1972, p. 79; Жлуктенко А. Ю. Указ. соч., с. 158 (автор этот процесс называет ретардацией).

¹⁹ См.: Seaman P. O. *Modern Greek and American English in Contact*. Mouton, 1972, p. 175.

²⁰ Семчинский С. В. Указ. соч., с. 40.

²¹ Карпувене Г. О сочетаемостных свойствах некоторых каузативных глаголов литовского и английского языков. — *Kalbotyra*, 1976, XXVII (3), с. 38.

конверсивы²². В английском языке выбор синонимичного глагола *marry* не определяется направлением такого отношения, т.е. он не предполагает ограничения на пол лица в своих позициях. Выравнивание семантической асимметрии в этом случае осуществляется путем семантического расширения одного глагола, который становится сопоставимым с *marry*, и эллиминации другого глагола, который становится функционально излишним. Выбор для синонимического расширения падает на глагол *vesti*, агент которого – лицо мужского пола. Например: *Viename pobūvyje kas tai pastebėjo merginai, kodėl ji neveda. LB–75–16. Nors ji nebuvo kilusi iš lietuviškos šeimos, bet vedusi su lietuvium... V–74–47. Mano sesuo vedusi su australiečiu. LB–62–29. Dabar jau vedusi ir pati auklėja šeimyną. V–62–45.*

СОКРАЩЕНИЯ²³

- Dr – Draugas, Chicago.
 GK – Gimtoji kalba, Chicago.
 L – Laisvė, Brooklyn, N. Y.
 LB – Liaudies balsas, Toronto.
 MarŽ – Margeris A. Amerikos lietuviai ir angliškųjų skolinių žodynas. Chicago, 1956.
 MB – Moterų balsas, Chicago.
 V – Vilnis, Chicago.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas
 Anglų filologijos katedra

Treikta
 1977 m. spalio mėn.

SEMANTIC CHANGE OF THE VERB UNDER BILINGUALISM

L. PAŽŪSIS

Summary

Little attention has so far been devoted to the description of semantic extensions due to the mechanism of substitution (E. Haugen) (i. e. the introduction into L1 discourse of L2 distributions, in N. Hasselmo's definition) under bilingualism, especially when they are based on the similarity of L1 and L2 lexical items. In measurement of total linguistic interference, synonymous extension is no less important than importation (i. e. the introduction into L1 discourse of L2 identities). In this respect, the verb, as the dominant structural element of the sentence, deserves particular attention, because the interdependence of semantics and syntax becomes basic to the linguistic model of its description.

A study of the linguistic corpus elicited from the Lithuanian periodicals published in the USA and Canada by actual immigrants whose primary language (L1) has for several decades been in contact with American English (L2) yields the following generalizations:

1. If we assume that a semantic change of the verb and a change of its semantic combinability are interdependent, semantic interference of the L2 verb must be generally viewed as a semantic change or redistribution of the synonymous L1 verb through the mechanism of introduction into L1 discourse of L2 distributions.

2. Synonymous extension of meaning or redistribution of the L1 verb evolves within the 'contrastive gap' between the synonymous L1 and L2 verbs.

²² Ср. Ломтев Т. П. Вопросы выбора глаголов при синтезировании предложения на неродном языке. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, с. 335.

²³ Первое число после сокращения указывает на год периодического издания, а второе число — его номер. Если после сокращения названия книги имеется один номер, он указывается на странице.

3. Semantic interference of the L2 verb manifests itself not only by removing the combinatorial semantic restrictions which are valid for the verb and the noun in L1 and thus extending the previous semantic similarity between L1 and L2 verbs to fuller congruence, but also by imposing constraint on the selection of L1 verbs and thus obliterating some L1 verbs semantically related with the one experiencing extensions.

4. Semantic interference of the L2 verb may manifest itself by reinforcing some redistributions of indigenous verbs current in L1 before immigration, but rejected as archaic and/or alien by the present-day L1 norm in the home country.